

им учеником римская элоквиция. Таковым он и был вначале и с 1312 по 1333 г., казалось, не обладал никаким даром. Вся его жизненная программа совершенно классически выразилась тогда заглавием одного письма, написанного в юности: «Eloquentiam ani-mique aequitatem caeteris rebus autepo-nendam»**.

Другой аспект жизни Петрарки начал проявляться, когда он достиг 29-летнего возраста. Если он точен, как он сам утверждает, то он впервые увидел Лауру 6 апреля 1327 г., когда ему было 23 года. К 29 годам он любил ее уже шесть лет и никогда больше не переставал воспевать эту любовь. Любовь, о которой он наверняка знал, что она останется без ответа, — не потому, что Петрарка не пытался его получить, но потому, что в нем ему было решительно отказано. Поэт стал искать того, в чем ему отказывала Лаура, в других местах и впал в распутство; он от него страдал, непрерывно с ним боролся и наконец исцелился. Борьба была долгой — она длилась семнадцать лет, но Петрарка вел ее не один с того дня, как ему подарили экземпляр «Исповеди» св. Августина. Петрарка прочитал ее, проникся к ней любовью и под воздействием Августина излечился от своего недуга. Эта встреча Петрарки и Августина произошла, по всей вероятности, в 1333 году.

Влияние Августина на Петрарку было сложным. Чтение «Исповеди» сначала стало для него тем же, чем было чтение «Проповеди» Амвросия для самого Августина: он привык к шероховатой латыни Священного Писания. Конечно, она постоянно и больно задевала его цicerоновский вкус, но так же, как музыка Цицерона однажды привела его к пониманию ее смысла, на этот раз смысл Писания приучил его терпимо относиться к диссонансам: по крайней мере мои глаза, скажет он позже, хотели читать то, что мои уши еще отказывались слышать. В своем послании «К потомкам» («Posteritati suae») Петрарка утверждает, что «Исповедь» стала для него вратами во всю священную лите-

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 546

ратуру. Но если этот пурист прилагал определенные усилия, чтобы стерпеть латынь Писания, чтение латыни Августина доставляло ему только радость. Красота стиля этого отца Церкви переменяла состояние его сердца и возвратила к Богу. Но что здесь удивительного? Красноречие «Исповеди» не могло сделать меньше для обращения Петрарки, нежели «Гортензий» Цицерона для обращения Августина. Замечание самого Петрарки призывает нас обратиться к III книге «Исповеди». Августин действительно стал его другом: он брал «Исповедь» с собой в путешествия, она была у него под мышкой в 1336 г., в день восхождения на гору Ванту, которое он описывает в одном из самых знаменитых своих писем и которое знаменует один из решающих этапов его нравственного выздоровления. Семь лет усилий еще отделяли его от цели, но отныне ничто не могло помешать ему ее достичь.

Так что Августин был именно тем провожатым, в котором нуждался Петрарка: он писал по-латыни лучше, чем сам поэт, и Петрарка не мог этого не уважать; это был святой — значит, Петрарка мог доверить ему заботу о своей душе; этот святой пострадал от таких же нравственных болезней, что и Петрарка; он исцелился от них — значит, мог исцелить и его. Читая «Исповедь», Петрарка испытывал ощущение, что читает историю собственной жизни («legere arbitror, non alienam, sed propriae meae peregrinationis historiam»), и поэтому его окончательное обращение сделало из него как бы второго Августина («transformatus sum in alterum Augustinum»). Стоит взвесить эти высказывания самого Петрарки, чтобы понять интимность духовного симбиоза, который объединял отныне латиниста XIV века и Гиппонс-кого епископа. Через красноречие Августина Петрарка вновь стал христианином.